

Л. В. КРЕСТОВА

**Традиции русской демократической сатиры в журнальной прозе
Н. И. Новикова («Трутень», «Живописец»)**

Журнальную деятельность Н. И. Новикова изучали до сих пор по преимуществу в плане использования зарубежного опыта журналов Стиля и Адиссона, в противоположность которым он создал русские сатирические издания. Указывалось также, что «в боевых сатирических журналах Новикова, подымавших самые острые и основные вопросы современности, писатель использовал национальную русскую литературную традицию — традицию Феофана Прокоповича, Кантемира, „Тилемахиды“ Тредиаковского, Сумарокова».¹

В своей книге «Русская демократическая сатира XVII века» В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на отражение в сатирических журналах XVIII в. также некоторых жанров русской рукописной демократической литературы. «В частности, — указывает исследовательница, — Н. И. Новиков употреблял в „Трутне“ как прием общественной сатиры сатирические рецепты, широко распространенные в пародийных лечебниках начиная с XVII века».²

Это замечание В. П. Адриановой-Перетц, кажущееся на первый взгляд частным, имеет в действительности принципиальное значение, так как дает возможность установить новые русские литературные источники, которыми пользовался Новиков-журналист. Недаром признавался издатель «Трутня» и «Живописца», что не для читателей-дворян созданы его журналы, а на вкус мещан, «ибо у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся».³

Поставив перед собой задачу просвещения «третьего российского сословия» и крестьянства, Новиков, естественно, должен был обратиться к рукописным сборникам XVII и XVIII вв., а также к лубочным изданиям, составлявшим основное чтение данной среды.

Недаром первые журналы Новикова и по содержанию, и по форме носят своеобразный отпечаток, особенно в разработке двух основных тем (антидворянской и крестьянской), в которых, как мы покажем, чувствуется наиболее отчетливо близость писателя к русской демократической сатире.

¹ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в., изд. 3-е. М., 1955, стр. 232.

² В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 280—283. Перечисление художественных средств сатиры Н. И. Новикова дано в работе Е. А. Боголюбова (Ученые записки Молотовского педагогического института, в. 10, 1946).

³ Живописец, изд. 3-е, СПб., 1775, стр. XIII—XVIII, «К читателю».

Приступив к широкой журнальной деятельности, молодой Новиков сразу в «Трутне» нашел своеобразный способ подхода к демократическому читателю. Он изобразил издателя разговорчивым, умным, простым, подчас лукавым и до мозга костей русским человеком. Утверждая в своем предисловии, как было и в действительности, что издатель журнала — не чиновник, он выдал его за неисправимого ленивца, неспособного ни к какой службе, так как ни одна не сходна с его склонностями. Военная кажется «беспокойною и угнетающею человечество». Приказная «хлопотлива», «требует пронырства». В придворной «надлежит знать науку притворства». Единственное подходящее занятие — быть человеком свободной профессии, издавать сочинения, «к исправлению нравов служащие».

Коснувшись серьезного вопроса о положении свободомыслящего человека в крепостнической стране, Новиков придал своим размышлениям доходчивую форму, напоминающую «Стихотворную автобиографию неизвестного подьячего XVIII века» (ср. особенно буквы «ц» и «ч»).

Царедворцем мне быти, чаю, не гожуся;
 А в церковниках жить от людей стыжуся;
 Записатися в посад — торговать не умею;
 Подрядчиком быть — отнюд того не разумею
 Нимало.
 Черт мне дал и к ремеслу велику леность,
 А дьявол напустил в глупости моей смелссть;
 И оттого, в какой чин ни мышлю, добра не чаю,
 Разве как начал жить и вовсе кончаю
 До смерти.⁴

Подчеркнув «великую леность» к работе не по душе, неумение «найти добра в каком бы то ни было чине», Новиков тем самым сблизил образ издателя журнала и неудачника-подьячего и сделал первого из них также понятным широким читательским массам.

Начав свой журнал в стиле демократической рукописной литературы, Новиков так же и завершил его.

Тяжелая рука императрицы, прекратившая в 1769 г. целый ряд сатирических изданий, нависла и над «Трутнем». Издатель его, испытывая глубокую скорбь, одновременно насмехался над теми, кто радовался уничтожению демократической журналистики. В предпоследнем (16-м) листе «Трутня» за 1770 г. Новиков напечатал письмо дворянина Вертопраха, яркого противника передовых идей. Автор изобразил его раешником, говорящим рифмованной прозой, что становится ясным при разбивке текста на строки:

Всякая всячина просталась,
 И То и Се в ничто превратилось,
 Адская Почта остановилась,
 а Трутню
 также пора лететь на огонек в кухню.

⁴ В. Ф. Покровская. Стихотворная автобиография подьячего XVIII в. — ТОДРА, т. II, М.—Л., 1935, стр. 297. Анализируя строфу «ц», В. Ф. Покровская сравнивала последнюю с обычным для народной песни перечнем, вроде: «Богатую взять — будут попрекать, Хорошую взять — много будут люди знать, Умную взять — не даст слова сказать, Церковного чина взять — кутейником станут звать, Из посадских взять — много вина содержать»; или: «Офицера полюбить — Надо щегольно ходить, Холостого полюбить — Самопряхой надо быть» (стр. 289). Ср. в л. 1 «Трутня» такие же стилистические обороты: «В приказной подлежит знать», «надобно поминть» и т. д.

Или:

Сколько денежек ни выдавай,
А другого не ожидай...
Что нужды до содержания,
Когда не разное именование.

Облегчив демократическому читателю восприятие материала, напечатанного в «Трутне», часто напоминающего по форме произведения рукописной литературы, Новиков придал своей сатире острое политическое звучание. Издатель «Трутня» и «Живописца» выступил против крепостничества: бесчеловечных дворян, притесняющих крестьян, продажных судей, бессовестных подьячих. Борясь с общественными пороками, Новиков осмеивает дворянские моды, бичует «развращение» нравов высшего сословия, обличает их презрительное отношение к родному языку, отсутствие национального воспитания.

Так, в «Трутне» и «Живописце» осмеяны щеголи и щеголихи, те самые «новоманирные» дворяне, над которыми насмеялись безымянные авторы в юмористических курантах, «забавных жартах» и лубочных «забавных листах».⁵ Набрасывая многочисленные портреты вертопрахов и вертопрашек, Новиков подчас даже утрирует, как и в лубочных картинках, их пристрастие ко всему внешнему, особенно иноземному.

Резко выраженный антидворянский характер носит также нападка Новикова на распущенность нравов тех мужчин и женщин, которые «не почитают преступлением одного любить, шестерых обманывать» («Трутень», 1770, л. 1). Читателям «Трутня» и «Живописца», посещавшим городские демократические театры и знакомым с их репертуаром, было нетрудно провести параллели между образами развратных дворян (шляхты), виденными ими на сцене, и представителями того же класса на страницах журналов Новикова.⁶ Особый интерес представляет в этом репертуаре сатирический образ вдовы-дворянки, лицемерно оплакивающей утрату мужа и заводящей любовников. Ту же тему в нескольких вариантах разработал и Новиков. Или это молодая вдовушка лет двадцати, возлюбленная старика, отягченного «подагрою, хирагрою, коликою, удушьем», скрывающая от его взоров двух молодых любовников, которых содержит на его иждивении («Трутень», 1770, л. 12). Или же это пожилая особа лет пятидесяти, имевшая двух мужей («Трутень», 1769, л. 6). Последний вариант мог иметь, между прочим, и острое политическое звучание, намекая на саму императрицу-вдову, постоянно сменявшую любовников.

Обличая отсутствие в дворянской среде национального воспитания, Новиков прибегает к форме объявления, которая была свойственна не только газете, но и комическим монологам, построенным на небылицах. Такие монологи нередко произносились на сцене городского демократического театра XVIII в. вроде пародийного подряда на ловлю мышей или объявления о розыгрыше в лотерею кота и т. д.⁷ Подобное объявление, исполненное глубокой сатиры, имеется и в журнале Новикова. Это хорошо известное оповещение «о приезде из чужих земель молодого российского поросенка... возвратившегося уже совершенно свиньей» («Трутень», 1769, л. 6).

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Юмористические куранты. — Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67. Л., 1948, стр. 55—56.

⁶ Ср.: В. Д. Кузьмина. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века. Исследование и тексты. Ч. II. Дисс. на соиск. степени докт. филолог. наук. (Машинопись), М., 1956, стр. 216—226.

⁷ Там же, ч. II, стр. 104—106; ч. I, стр. 140—141.

Сторонник воспитания, основанного на знании родных обычаев, Новиков является также защитником русского языка. Отсюда его многочисленные нападки на «щегольское наречие», на модное «новоманерное», «картавое произношение русских слов, с пришепетыванием» («Живописец», ч. II, л. 12).

Создавая «Опыт модного словаря» на буквы «А» и «Б», помещенного на л. 10 части I «Живописца», Новиков несомненно использовал опыт рукописных азбуковников, широко известных в демократической среде.

Значительное и особое место занимает в журналах Новикова осуждение жестоких дворян, считающих только себя людьми и презирающих крепостных рабов. В целях их разоблачения Новиков использует демократическую рукописную традицию, прибегает, как указала В. П. Адрианова-Перетц, к жанру так называемых лечебников. Форма пародийного лечебника существовала издавна. В многочисленных списках с XVI в. бытовало «Слово от старчества», дававшее рецепт «лекарства душевного», прописывая «корень духовных нищеты, листки терпения и смирения цвет», которые предлагалось «всыпать в горнец совести, влить воду слезную, а затем возжечь пламень божественных любве».

В XVII в., возможно еще в пору польско-шведской интервенции, возник пародийный «Лечебник... как лечить иноземцев и их земель людей». Его рецепты, предлагавшие принимать «мостовой стук», «вешний топ», «свиной визг», явно напоминают «скоморошьи небылицы с их нагромождением невероятных предметов, описанием невозможных действий».⁸

Лечебники обоих указанных типов были широко распространены и в XVIII столетии. В лубочных листках «Слово от старчества» переиздавалось под заглавием «Аптеки духовной». С другой стороны, в «Завещание Елистрата Иванова, сына Шибаева» был вставлен, например, юмористический рецепт тетушке на ее болезнь. В нем пародийное лечение, снова близкое к «скоморошьям небылицам», происходит с помощью смеси «по десять золотников небесного цвету... 6 золотников громового стуку, 5 граней ласточкина летания» и т. д.⁹

Широкое распространение пародийных рецептов в XVIII в. подтверждает и рукописная демократическая драматургия. Так, в сцене «Гаер, доктор-француз, молодича» лекарь, диктуя рецепт, предлагает смешать «медвежьего рыку 2 золотника, утиного кричанья и гусяного гоготанья 1/4 золотника, мышечьяго пищанья 4 золотника» и т. д.¹⁰

Обличая существующую вокруг него социальную несправедливость, Н. И. Новиков не пренебрег пародийным лечебником и обоими видами существующих в нем рецептов, хорошо известных демократическому читателю. Он прописывает их продажным чиновникам, бесчеловечным судьям и считает особенно «большими» жестоких помещиков, таких, как Недоум, Скудоум, Безрассуд, Злорад, Незрел.

Выступая как лечитель не телесных или духовных, а «гражданственных» пороков, Новиков пользуется пародийными рецептами не в виде шутки или небылицы, а как формой социальной сатиры. Одному он прописывает «взять по целому фунту любви к отечеству... снисхождения к подчиненным» («Трутень», 1769, л. 23), другому, для уразумения естественного равенства людей, — «всякий день по два раза рассматри-

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Юмористические куранты, стр. 280—284.

⁹ В. Д. Кузьмина. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII в. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, в. 17. М., 1955, стр. 155.

¹⁰ В. Д. Кузьмина. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века, ч. II, стр. 175.

вать кости господские и крестьянские» («Трутень», 1769, л. 24), третьему Новиков предлагает «в виду недостатка разума» «принимать всякий день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, наросшие на его мозгу» («Трутень», 1769, л. 26).

Несомненно, что осмеянию общественных пороков с помощью пародийных рецептов Новиков придавал большое значение. Недаром писатель не механически включил указанный материал из «Трутня» в третье издание «Живописца» (1775 г.), но объединил его под заголовком «Лечебник», чем еще сильнее подчеркнул связь с рукописной демократической литературой. Одновременно издатель «Живописца», являющийся также автором помещенных в журнале статей, счел нужным несколько изменить композицию листов «Трутня». Он поместил тотчас же за описанием «болезни» прописываемые рецепты, чем придавал им еще большую социальную направленность.

Веря, как просветитель, в силу человеческого слова, Новиков методом убеждения пытался повлиять, с одной стороны, на представителей господствующего класса, с другой, ставил своей целью с помощью распространенных в демократической среде жанров пробудить сознание широких слоев читателей, лишенных гражданских прав.

Сочувствие Новикова мещанам и крестьянам явно сказывается и в его журналах. Всякий раз, когда писателю приходится сопоставлять между собой представителей высших и низших классов, он неизменно стоит на стороне последних. Положительными героями Новикова являются мещанин Правдолюбов, честный купец, справедливый подрядчик, трудолюбивый крепостной крестьянин. Природная одаренность простых людей отчетливо выявляется в их разговорах со знатными и чиновниками.

Так же как в сатирических диалогах рукописной литературы, мужик неизменно торжествует в произведениях Новикова над барином или барыней. Крестьянин-разносчик насмехается, например, над молодой развратной дворянкой Прелестой, над ее семейной жизнью («Трутень», 1769, л. 9). Мещанин Чистосердов оказывается куда более просвещенным, чем молодой дворянин, обучавшийся «в некотором славном немецком университете разным наукам» (там же). Идя рука об руку с неизвестными создателями рукописной демократической литературы, обличавшими крепостнический строй, Новиков уделил особенное внимание положению крепостных. В период с 1769 по 1772 г., накануне пугачевщины, когда крестьянский вопрос приобрел особую остроту, Новиков выступил с целым рядом замечательных статей, в которых отразил положение и настроение крепостной массы.

Установлена несомненная близость между напечатанными Новиковым в «Трутне» копиями с отписок крестьян и помещичьего указа (лл. 28 и 30) и подлинными документами. Образ многодетного крестьянина Филатки, разоренного непрерывными несчастьями (смерть жены, падеж скота, непомерные подати), начертан писателем с большой реалистической силой. Недаром Н. А. Добролюбов указывал: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается, не подлинные ли это?»¹¹ В наше время А. В. Кокорев напечатал «Письмо крестьянина к своему помещику» и приказ последнего, которые и по содержанию и по форме близки к документам, помещенным в «Трутне».¹²

¹¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 167.

¹² А. В. Кокорев, Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952, стр. 256.

Тщательно изучив содержание, стиль и слог документов подобного рода, Новиков, конечно, являлся не переписчиком, а писателем-творцом. Он самостоятельно создавал типический образ русского крестьянина, близкий к тем, которые имелись в рукописной демократической литературе. Так, образ нищего крепостного Филатки напоминает бедняка из «Азбуки о голом и небогатом человеке». Правда, Филатка — трезвенник, он никогда не пьянствовал, но его положение сходно с положением «голового и небогатого человека».

«Ни пить, ни есть нечево и взять негде», — жалуется «голый и небогатый человек». ¹³ «Мне взять негде . . . ни их (детей), ни себя кормить нечем», — как бы вторит ему Филатка («Трутень», 1769, л. 90). «Нынешним летом, — пишет Новиков, — Филатка хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал. . . лошади померли» («Трутень», 1769, л. 90). «. . . Посеять нечего, — жалуется голый и небогатый человек, — пахать стало не на чем, клячи нет». ¹⁴ Эти горестные жалобы, одинаковые у различных представителей многомиллионной крестьянской массы и в XVII в. и в XVIII в., звучат как подлинный «плач» и в «Азбуке о голом и небогатом человеке», и в отписке Филатки.

Новиков, «чувствительный к состоянию крестьян», сумел, таким образом, не только услышать, «как плачутся» «голые» Филатки, но и передать их скорбь в форме, близкой к народной рукописной литературе.

Сближаясь в разработке крестьянской темы с рукописной демократической сатирой, зародившейся еще в XVII в., Новиков выражал в своих журналах настроения крепостной массы, отразившиеся в современном ему «Плаче холопов». Знаменательно, что Новиков в порыве негодования на «жестокосердые» помещиков впервые в русской литературе назвал их «тиранами», т. е. так же, как их называет автор «Плача холопов». Бросается в глаза, что образ помещика-мучителя зарисован в журнале Новикова в тех же красках, как и в народном произведении. В «Плаче холопов» злые помещики «едят холоп глазами», и Безрассуд убежден, что «крестьяне должны трепетать его взора». И там и тут подчеркивается суровое отношение, «несносные» или «жестокие» побои, а также презрительное отношение дворян к крепостным, на которых Злорад, например, смотрит как на скот. «И нами, как скотом, привыкли обладать», — жалуется автор «Плача холопов». ¹⁵

И у безымянного автора «Плача холопов», и у Новикова отмечено также различие в правовом положении барина и крестьянина. «Барин украдет хоть тысяч десять, никто не присудит, что подобно повесить», — указывает первый. Резко разоблачены на страницах журналов Новикова воры-дворяне, остающиеся безнаказанными. Читателя потрясла страшная «истинная быль» о пропавших у судьи часах. Их украл «благородный» племянник судьи, молодой «господчик», вышедший сухим из воды, в то время как пыткам и наказанию подвергся подозреваемый безвинный подрядчик. В полном созвучии с «Плачем холопов» Новиков пишет: «Худой тот судья. . . который всякие преступления низкой только породе по пред-

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 30.

¹⁴ Там же, стр. 34.

¹⁵ Встречающееся в журнале Новикова утверждение, что помещики лучше относятся «к лошадям и собакам», чем к своим крепостным («Трутень», 1769, л. 36), также находит отражение в рукописной литературе. Так, в «Притче о житии человеческом и о состарении» читаем: «Зри каковы времена жизни сея. . . Кони и псы в великой чести пребывают, а человеки во хлеве и нагоде рыдают. . . Должно нам сию (неправду) оставляти, а человекам со скоты не равняти» (С. Ф. Елеонский. Из истории массовой литературы XVIII в. — ИЮЛЯ, т. XIV. М., 1955, в. 5, стр. 454).

убеждению приписует, как будто между благородными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубов» («Трутень», 1769, л. 13).

Итак, определяя источники ранних сатирических изданий Новикова, нельзя обойти произведения демократической рукописной литературы. Статьи Новикова близки к ним и по своей антикрепостнической направленности, и по своей форме. Подчас писатель опережал народную сатиру, придавая ее содержанию более углубленное социальное звучание. Но иногда Новиков был более умерен по сравнению с требованием народных масс, призывавших «злых господ корень переводить» («Плач холопов»).

В общем же накануне крестьянской войны сатира Новикова усиливала критическое отношение демократического читателя к господствующему дворянскому классу и крепостничеству.

Кроме того, основывая свои произведения на рукописном материале, Новиков-писатель соединял народную и литературную сатиру, содействовал становлению русского реализма.
